

УДК 316.346.32-053.81(470+571)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ (генеалогический аспект)

В.А. Климов

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье с социологической точки зрения анализируется генеалогический аспект исторической памяти как фактора социализации поколений, вступающих в жизнь. Особое внимание уделяется роли и значению генеалогии в воспитании молодежи в современном российском обществе.

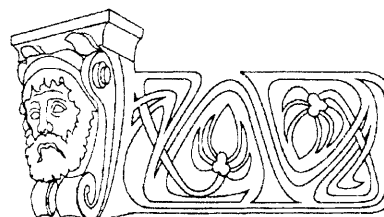
Historical Memory as a Factor of Socialization (Genealogical Aspect)

V.A. Klimov

In the article genealogical aspect of historical memory as a factor of socialization of generations starting their lives is analyzed from social point of view. The special emphasis is placed on the role and importance of genealogy in the youth upbringing in contemporary Russian society.

Исторический опыт свидетельствует, что наиболее трудными и драматичными периодами в развитии общества являются периоды социальных перемен, преобразований, реформ. Такие периоды характеризуются дестабилизацией общественных структур, ростом противоречий, конфликтов, социальных отклонений. Именно на таком переломном этапе своего исторического пути находится ныне российское общество. В условиях коренных преобразований социально-экономических отношений меняются типы собственности, принципы хозяйствования, бытовые нормы и взгляды людей и т.д. Все это обуславливает противоречивость и неустойчивость многих важных социальных процессов, в том числе и процесса социализации вступающих в жизнь поколений.

Социализация обычно определяется как «процесс усвоения индивидом на протяжении его жизни социальных норм и культурных ценностей того общества, к которому он принадлежит»¹. Этот процесс, безусловно, испытывает воздействие глубокого кризиса, охватившего все основные сферы российского общества². Происходит переоценка, по сути дела, смена ценностных ориентаций, целей, задач, образцов и моделей поведения

людей. Прежние кумиры подчас безжалостно низвергаются, что ведет к ценностно-нормативному «вакууму», психологическим стрессам и деморализации значительной части населения³. В такой ситуации (которую можно назвать маргинальной, «пограничной») на повестку дня со всей остротой встает вопрос о поиске эффективных механизмов и факторов упорядочения и регулирования процесса социализации, чтобы постепенно вернуть его в нормальное русло. От этого во многом зависит будущее нашего общества.

Среди традиционных факторов социализации важное место занимает *историческая память*, выступающая существенным элементом общественного сознания, выполняющая определенную роль в регулировании жизни людей. Ее обычно трактуют как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим»⁴. Следует подчеркнуть, что по сути своей историческая память является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта страны, государства, народа для возможного его использования в социально-политической и воспитательной деятельности. Этим и определяется роль исторической памяти в социализации, приобщении молодежи к социальному опыту прошлых поколений.

Историческая память – сложный социокультурный феномен, поскольку включает в себя комплекс представлений и воспоминаний о выдающихся событиях и личностях – и не только воспоминаний, но и оценок. Через оценку определенных исторических фактов формируются суждения, взгляды, ценностные ориентации современных поколений, что имеет особое значение для осуществления полноценной социальной педагогики.

В связи с этим следует обратить внимание на тот огромный пласт исторического сознания, который включает воспоминания о прошлом конкретной семьи, о родословии отдельных людей. Это то, что можно назвать *генеалогическим знанием* или *генеалогическим аспектом* исторической памяти.

Термин «генеалогия» буквально означает «родословие» (от греческих слов «генос» – род, происхождение и «логос» – слово, счет, рассуждение). В современном русском языке понятие генеалогии имеет несколько значений. Прежде всего, оно используется для обозначения специальной исторической дисциплины, которую традиционно включают в состав источниковедения, входящего в свою очередь в комплекс дисциплин, в совокупности образующих историческую науку⁵. Но генеалогия существует и вне сферы науки как факт общественного и индивидуального сознания, как часть повседневного практического опыта. Это просто «память о предках», сохраняющаяся в относительно целостном или фрагментарном виде (как предание, легенда, анекдот и т.п.). В этом качестве генеалогическое предание является важной составной частью устной истории, включающей в себя обширные и глубокие пласты общественного сознания народа⁶. От других повествовательных жанров генеалогические предания отличаются тем, что непременно содержат перечисление в определенной последовательности предков некоего человека, рода, семьи, правящей династии. Эти тексты способствуют систематизации и разъяснению происхождения и родственных связей определенных лиц и семейств, что может иметь не только символическое, но и практическое значение.

С точки зрения практики генеалогическое знание многофункционально – это не только «память о мертвых», но и живой, действующий механизм, помогающий людям, живущим в данном обществе, решать важные повседневные вопросы (например, легитимность политической власти в условиях монархии, переход имущества по наследству и т.п.). С древних времен практически у всех народов генеалогия имела и воспитательную функцию. Так, например, в Древнем Риме было принято хранить в домашних святилищах фамильные портреты – восковые слепки

с лиц покойных дедов и предков. Посмертные маски помещали в специальных нишах в атриуме (главном помещении жилого дома) и снабжали перечнем должностей, заслуг и наград покойного (*cursus honorum*). Ниши с изображением предков соединялись цветочными гирляндами (*stemmata*), образуя как бы прототип родословного древа (*arbor consanguinitatis*).

Эти семейные святыни наглядно демонстрировали связь поколений. Наряду с рассказами о подвигах дедов и предков они способствовали формированию у римской молодежи стремления во всем подражать доблестным предкам, продолжать фамильные традиции.

Аналогичным образом сформировалось сословное и родовое сознание дворянства в средневековом обществе. Каждый дворянин был обязан знать свою родословную, поскольку вопрос о происхождении неоднократно поднимался на протяжении его жизни: при посвящении в рыцари, присвоении герба, при заключении брака. Право участвовать в рыцарских турнирах также подкреплялось родословной. «Не опозорить свой род, не посрамить память предков», – эта заповедь внушалась дворянину с детства. Однако ведение и пользование родословных записей в практических и воспитательных целях не было монополией дворянства: в бюргерской среде также составлялись генеалогии и высоко ценилось понятие фамильной чести. Такая тенденция прослеживается в истории практически всех стран мира, в том числе и России.

Признание важной роли генеалогии и практический интерес к ней характерен для общественного сознания различных слоев российского общества – особенно в XVII–XIX вв. Воспроизводство сословной структуры общества требовало четкой фиксации и сохранения этих сведений в каждой семье, начиная с государственных крестьян и мастеровых, кончая высшей аристократией. Наличие таких сведений требовалось для решения многих жизненных вопросов (например, в делах о наследовании имущества), но одновременно служило символическим средством для поддержания и укрепления престижа рода или семьи. Но особое значение генеалогическая традиция имела для дворянских фа-

милий, поскольку именно родословная во многом определяла их социальный статус и вытекающие отсюда права и обязанности. Главная обязанность дворянина – верой и правдой служить царю и отечеству. В этом духе воспитывались подрастающие поколения в лучших дворянских семьях. «В нашем отечестве, – подчеркивал писатель и историк XIX в. П.Н.Петров, – чувство долга у дворян проявлялось во все века у тех подвижников, которые составляли не одну гордость своих фамилий, но и честь народную. Обилие подобных личностей в нашей истории – не какая-либо натяжка измышлятеля похвалы прошлому, но невольное сознание, являющееся при чтении безыскусственных сказаний летописцев. Герои долга любви к отечеству у нас не редкость, и имена их не могут не трогать сердца знающих отечественное прошлое»⁷.

П.Н. Петров отмечал также, что патристические традиции, хранителем которых выступало дворянство (во всяком случае, лучшая его часть), безусловно, оказывали благотворное влияние на нравственное состояние российского общества. «Исторические роды, – писал он, – представляются нам хранилищами указаний подвигов своих представителей, где дворяне идут об руку с князьями в жертвовании собой и всем, что было им дорого, во славу и на пользу отечества. Родовые воспоминания, по нашим понятиям, должны, приводя на память деяния представителей, самих потомков славных предков возвышать в собственных глазах, вызывая соревнование и подражание им. А в современниках представители родов заслуженных должны возбуждать к себе невольное уважение, как к людям, близким по крови к подвижникам, не почитать памяти которых не позволит нам чувство признания совершенного добра... В этих взаимных отношениях прошлого к настоящему – и наоборот – в свою очередь кроется могучая сила влечения естественного чувства, достойного человечества, понимающего свое духовное превосходство по мере развития и просветления творящей мысли»⁸.

Впоследствии в советский период взгляд на роль дворянства в общественной жизни России подвергся некоторой «аберрации». В исторических работах, в школьных

учебниках, в популярной литературе дворянство трактовалось как класс эксплуататоров, паразитов, угнетателей трудового народа. Затуманивался тот факт, что дворянство всегда было, прежде всего, *служильным* сословием. По переписи 1897 г., дворянство насчитывало около 1800 тыс. человек, в том числе 1200 тыс. потомственных и 600 тыс. личных дворян. Они составляли большую часть чиновничества и офицерства. К тому времени значительно расширилась сфера предпринимательской деятельности представителей дворянства (участие в страховом и банковском деле, строительстве и промышленности). В рядах творческой интеллигенции было также немало выходцев из дворянского сословия. В контексте нашей проблемы важно отметить, что именно дворянство было носителем генеалогической традиции как важной формы исторической памяти. И генеалогия как историческая дисциплина развивалась прежде всего по линии собирания и систематизации дворянских родословий (П.В. Долгоруков, А.Б. Лобанов-Ростовский, Н.П. Лихачев, Л.М. Савелов, Н.В. Мятлев и др.).

«За годы революций и советской власти ничто не вызывало более злобных слов по своему адресу, никого так не громили, как российское дворянство... Ни один из классов старой России не подвергался такому преследованию и такому уничтожению, как дворянство, основная часть которого приняла мученическую смерть, а оставшаяся в стране была низведена до положения людей второго сорта, вынужденных скрывать свое непролетарское происхождение, отстраненных от активного участия в жизни»⁹. Разгром дворянства, по существу, означал разрушение генеалогической традиции, существовавшей в дореволюционной России. Г.П. Федотов так характеризовал социокультурную ситуацию в условиях «диктатуры пролетариата»: власть внушает народу, что «для него открылись все двери, доступны все тайны, которыми прежде владели буржуа и господа. Но он обманут и обворован. Господа унесли с собой в могилу – не все, конечно, – ключи, – но самые заветные, от потайных ящиков с фамильными драгоценностями»¹⁰. К таким «фамильным драгоценностям» относится и генеалогия как наука и как форма исторической памяти.

Как отмечают исследователи, для исторического сознания свойственны не только преемственность – ему присущи своего рода «разрывы», обусловленные революционными событиями и «крутыми поворотами истории». Для таких периодов характерно стремление начать историю общества «с чистого листа», отвергнув многие институты и традиции прошлого как ненужные и вредные¹¹. Беспощадная борьба с «наследием царизма», попытки насаждения бесклассового, бессловного общества, настойчивая и последовательная дискредитация принципов «устаревшей», «старорежимной» морали и «религиозных пережитков» – все это неизбежно разрушало «низовую пласт» исторического сознания, девальвировало ценности истории семьи, рода, «малой родины».

Разрыв преемственности поколений происходил под влиянием различных факторов. Зачастую это происходило, так сказать, «естественным путем»: перемещение огромных масс сельского населения в города, на «великие стройки» неизбежно вело молодых мигрантов к отчуждению от своих родовых корней. Старики, оставшиеся в деревне, еще помнили кое-что о своих предках, но у молодых поколений формировалось не только равнодушное, но и презрительное отношение к «проклятому прошлому». В среде партийной и советской бюрократии также были неуместны воспоминания о неграмотных и «темных» деревенских дедушках и бабушках. Таким образом, воспитательное значение родословных преданий было сведено к нулю.

Имело место и сознательное отчуждение от своих родовых корней в результате осознания опасности родственных (особенно кровных) связей в условиях тоталитарного государства, проводившего линию на методичное выявление и уничтожение остатков «эксплуататорских классов». Не только отпрыскам «чистопородных дворян», аристократов или священников, но и раскулаченных крестьян, кушцов, инженеров, чиновников родственные связи подчас оказывались просто губительными. А затем такие связи стали опасными для детей старых партийцев, военных и государственных деятелей «первой волны» и, наконец, вообще для всех, у кого в семье кто-либо попал под каток ре-

прессий. В таких условиях были уничтожены многие семейные архивы, а родители стремились не отягощать память младших поколений сведениями о «не удобных» предках и родственниках. Так, например, сын Н.И. Бухарина до 20 лет не знал, кто его отец. Если в дореволюционное время иногда стремились завысить сословный и социальный статус предков, сочиняя фальшивую родословную, то в советские годы в анкетах и автобиографиях прослеживается тенденция к нарочитому его занижению. Эта тенденция находила отражение в замене или видоизменении фамилий (например, укорачивали двойные фамилии, чтобы вместо известной дворянской появилась обычная, распространенная среди крестьян и мещан)¹².

С каждым годом сужался круг людей, которые могли бы что-то рассказать об истории своей семьи. Можно констатировать печальный исторический парадокс: в стране была осуществлена «культурная революция», миллионы людей получили доступ к образованию, в том числе и высшему – но эти образованные, информированные граждане оставались Иванами, родства не помнящими. Об этом свидетельствуют данные, полученные в социологическом исследовании 1990 г. На вопрос: «Составлялась ли в Вашей семье родословная?» – только 7% дали положительный ответ. На вопрос: «В чем видите причины слабого знания истории своей семьи?» – 38% сказали, что некому было рассказать об этом, а 48% утверждали, что этот вопрос для семьи был безразличен, к нему относились равнодушно. Около трети опрошенных не знали имена и отчества своих прадедов, а 6,9% – своих дедов¹³.

Оценивая сложившуюся ситуацию, социолог Ж.Т. Гощенко с полным основанием утверждает, что слабая развитость и низкое качество личного, семейного срезка исторического сознания «подрывает основы более высоких чувств – патриотизма, гордости за свою страну, готовность ее защищать и отстаивать ее интересы»¹⁴. Действительно, человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает важнейшие события, вехи ее истории, но и родословную своей семьи, историю своего города, села, своего края, в котором он родился или живет.

В романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» рассказывается о том, как жестокие завоеватели путем изуверской операции превращали пленных в манкуртов – «идеальных» рабов, лишенных памяти. Анализируя роман, известный социолог Ю.Н. Давыдов подчеркивает, что вопрос об исторической памяти – это «вопрос о «сокровенной сути», о том, что делает народ народом, культуру культурой, человека человеком. Вопрос сопредельный с проблемой смысла человеческого существования, смыслообразующей функции человеческой культуры, и в то же время, как показал еще Макс Вебер, вопрос о смысле индивидуальных человеческих действий»¹⁵. По сути дела, это вопрос о самосознании личности, о человеческом достоинстве. Человек хочет знать свое прошлое вовсе не потому, что ожидает от этого какой-то утилитарной «пользы» для себя. Он жаждет ответа на вопросы: «Чей я?», «Откуда я?», «Кто мои предки?» просто потому, что он – не манкурт. Такое «узнавание» – необходимое условие самоопределения личности в процессе социализации. Историческое сознание, отмечал А.В. Гулыга, не только знание о прошлом, но и его переживание. Это не просто умение перечислить факты и объяснить их, а способность увидеть в них часть своей жизни, что-то личное, значительное, близкое, ценное. «Ценностный подход к прошлому позволяет в полной мере появиться практическому (воспитательному) значению истории»¹⁶.

Речь идет о таком восприятии прошлого, когда человек ощущает свою личную причастность к всемирно-исторической драме, осознает, что он – не случайный гость в этом мире. «Изучая предков, узнаем самих себя, – писал В.О. Ключевский, – без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего живем, как и к чему должны стремиться»¹⁷. Осознавая свою связь с прошлым, человек проникается и чувством ответственности перед будущими поколениями.

Состояние исторического сознания в современном российском обществе трудно оценивать однозначно. Но все же по сравнению с предшествующими десятилетиями можно говорить о некотором прогрессе. На-

лицо положительная тенденция – возрастание интереса к истории, прежде всего к истории семьи. Эта тенденция наметилась еще в период перестройки 80-х гг. прошлого века, когда гласность, появление независимой печати и общественных организаций, ослабление цензуры стали дополнительными факторами, способствующими интенсификации генеалогических изысканий. Многие семьи стремятся восстановить свою родословную, используя архивные документы. Отпала необходимость скрывать, что в числе предков были дворяне, священники, купцы, участники Белого движения, троцкисты и прочие «враги народа». Расширяется преподавание генеалогии в вузах, воссоздаются историко-родословные общества и ассоциации в центре и в провинции. Новым явлением стало преподавание генеалогии (родоведения) в общеобразовательных школах. Появляются учебные пособия, методические рекомендации, справочники, которые могут служить полезным подспорьем для учащихся и всех любителей генеалогии¹⁸. Но таких изданий еще слишком мало, и тираж их незначителен.

Таким образом, делаются лишь первые шаги в нужном направлении. Очень важно, чтобы в обществе росло осознание значимости исторической памяти и ее генеалогических аспектов. В связи с этим необходимо расширять и совершенствовать методику эмпирических исследований, позволяющих выявить реальное состояние и уровень представлений и знаний о своей родословной в различных социальных и этнических группах. Все это, безусловно, будет способствовать разработке конкретных рекомендаций, нацеленных на повышение эффективности воспитательного процесса и в семье, и в школе, и в вузе.

Примечания

¹ Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С.316.

² См.: Москаленко В.В. Социализация личности. Киев, 1986; Слепцов Н.С., Ревенко Л.В. Социализация молодежи: сущность особенности, тенденции. Краснодар, 1994; Галеев З.Г. Теоретико-методологические аспекты социализации личности: очерки по социальной антропологии. Казань, 1998; Воробьев В.И. Социализация как комплексная культурная трансляция: проблемы переходного общества. Пенза, 2001.

³ См.: Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996; Деструктивные условия социализации молодежи как фактор девиантного поведения. Екатеринбург,

бург, 1999; Морозов В.В., Скобцов А.П. Противоречивость социализации и воспитания в условиях реформ // Социально-политический журнал. 1998. №1.

⁴ Тоценко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2004. №4. С.4.

⁵ См.: История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977; Дмитриева О.В. Генеалогия // Введение в специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие. М., 1990; Савелов Т.М. Лекции по русской генеалогии. М., 1994; Генеалогические исследования: Сб. статей. М., 1994; Кром М.М. Историческая генеалогия // Специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие. 2-е изд. СПб., 2003 и др.

⁶ См.: Томпсон П. Устная история / Пер. с англ. М., 2003; Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспектива развития // Отечественная история. 2006. №2 и др.

⁷ Петров П.Н. История родов русского дворянства: В 2 кн. М., 1991. Кн.1. С.11.

⁸ Там же. С.7–9.

⁹ Семенов В.Н., Семенов Н.Н. Саратов дворянский. Саратов, 2004. С. 7, 9.

¹⁰ Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1992. Т.2. С.207.

¹¹ См.: Нихоя Р.Г. О некоторых аспектах «историографического кризиса», или о «непредсказуемости прошлого» // Новая и новейшая история. 2000. №4. С.15.

¹² См.: Кобрин В.Б. Перспективы развития генеалогических исследований // Генеалогические исследования: Сб. ст. М., 1994. С.29–30.

¹³ См.: Новая и новейшая история. 2000. №4. С.11; Отечественная история. 2002. №2. С.200–201.

¹⁴ Тоценко Ж.Т. Указ. соч. С.4.

¹⁵ Давыдов Ю.П. Память и культура (о смыслообразующих началах человеческого действия) // Социс. 1987. №6. С.11.

¹⁶ Гудыга А.В. Искусство истории. М., 1980. С.32.

¹⁷ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.332.

¹⁸ См.: Белецкий С.В. Введение в генеалогию. СПб., 1997; Флейман Е.А. Родословие – путь к истокам. Кострома, 1999; Мартышин В.С. Твоя родословная: Учеб. пособие по изучению истории семьи и составлению родословной. М., 2000; Калистратова Э.А. Основы науки о родстве. Екатеринбург, 2001; Усков П.Ю. Отечественная генеалогия. Кемерово, 2002; Бычкова М.Е., Смирнов М.П. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004.

УДК 316.342.5

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Д.В. Покатов

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru.

В статье рассматриваются особенности социологических воззрений представителей социально-философского направления конца XIX – начала XX века на природу и роль в обществе политической элиты.

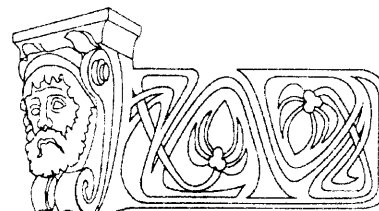
На основе обширного фактического материала раскрываются взгляды известных социологов и философов К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева на происхождение, характерные черты политической элиты, особенности ее рекрутирования в обществе.

The Problem of Political Elite in Socially-Philosophical Concepts of the End the19 – the Beginning of the 20 Century

D.V. Pokatov

Features of sociological views of representatives of socially-philosophical direction of the end of the 19 - the beginning of the 20 century on the nature and a role in a society of political elite are considered in this article.

On the basis of extensive actual material views of well-known sociologists and philosophers as K.D. Kavelin, B.N. Chicherin, K.N. Leontiev and V.S. Soloviev on an origin, characteristic features of political elite, features of its recruit in a society are revealed.

В последние годы продолжает расти интерес к творческому наследию русских социологов, а также социальных философов, что, конечно же, не является случайным. Формирование новых подходов и методологических ориентиров невозможно без учета всего того богатейшего теоретического и эмпирического материала, который был накоплен и систематизирован прежде. Особенно ценными являются работы многих мыслителей, творивших в сложную и достаточно противоречивую эпоху реформ 60–70-х гг. XIX в. и последовавший за этим период контрреформ конца XIX века.

Именно в это время в работах первых российских социологов и социальных философов стал рассматриваться широкий круг